

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2002
УДК 378.661:93 (470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова, В. Г. Игнатъев

**ПОДГОТОВКА И ВВЕДЕНИЕ В ДЕЙСТВИЕ УСТАВА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА (КИЕВ) 1842 Г.
СООБЩЕНИЕ 1. НАЧАЛО РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ УСТАВА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА (КИЕВ)
1842 Г.**

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Подготовка и введение в действие Устава Университета Св. Владимира 1842 г. не относятся к числу вопросов, впервые поднимаемых в историко-медицинской литературе. События начала 40-х годов XIX века, определившие открытие в Киевском университете медицинского факультета¹ и разработку нормативной базы его деятельности, подробно рассматриваются в десятках работ как исследователей истории отечественного высшего медицинского образования, так и историков университетского образования в России в целом².

¹Университет Св. Владимира (Киевский университет) был основан в 1833 г. в составе двух факультетов: философского и юридического. В Указе Николая I Правительствующему Сенату от 8 ноября 1833 г. об учреждении Киевского университета говорилось, что "...учреждение в оном факультета медицинского представляем Мы впоследствии собственному Нашему усмотрению".

²См. например: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). — СПб., 1902; Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св. Владимира. — К., 1884; Шульгин В. История Университета Св. Владимира. — СПб., 1860; 125 лет Киевского медицинского института. — К., 1966; 150 лет Киевскому медицинскому институту. — К., 1991.

Однако, несмотря на известное обилие публикаций, содержащих значительный объем безусловно достоверного фактического материала, проблему подготовки и введение в действие Устава Университета Св. Владимира 1842 г. вряд ли можно считать полностью изученной. Во всяком случае если внимательно познакомиться с литературными источниками, а главное, сопоставить их друг с другом, то оказывается, что составить целостное представление о том, как, кем и с какой целью готовился Устав 1842 г., практически невозможно в силу значительных расхождений в описаниях и трактовке событий, развернувшихся в начале 40-х годов XIX века вокруг открытия в Киевском университете медицинского факультета.

Так, например, М. Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что в основе организации в Киевском университете медицинского факультета лежало чисто политическое решение высшего руководства страны, что разработкой Устава 1842 г. занимались Совет Киевского университета и специально созданный при Министерстве народного просвещения Временный медицинский комитет, а получившийся в результате этой совместной работы документ не выдерживает никакой критики³.

По мнению же авторов исторического очерка в юбилейном сборнике "150 лет Киевскому медицинскому институту", причиной

³Владимирский-Буданов М. Ф. Цит. соч. — С. 400—426.

создания в Киеве медицинского факультета явилось бедственное положение дел с медицинским обеспечением южных регионов России; главную роль в разработке положений нового Устава 1842 г. сыграл Н. И. Пирогов, а сам устав заслуживает самой высокой оценки⁴.

Столкнувшись со столь очевидными противоречиями, мы оказались вынужденными провести собственный архивный поиск, результаты которого оказались во многом неожиданными. В частности, выяснилось, что, располагая практически всей совокупностью сохранившихся архивных документов, исследователи по каким-то причинам полностью и абсолютно единодушно проигнорировали тот факт, что подготовка и введение в действие Устава Киевского университета 1842 г. были событиями общероссийского значения, и рассматривали их исключительно в контексте истории Университета Св. Владимира. Вместе с тем создание в Киевском университете медицинского факультета и разработка нормативной базы его деятельности были не только и не столько элементами развития самого Киевского университета, сколько неотъемлемой составной частью крупномасштабной реформы высшего медицинского образования, развернувшейся в России в начале 40-х годов XIX века. Забегая несколько вперед, отметим, что предпринятая нами попытка проанализировать известные факты истории Киевского университета с позиций комплексной реформы всей системы подготовки врачебных кадров в России позволила разрешить большинство существующих в литературе противоречий и, кроме того, дать ответы на ряд вопросов, остававшихся влито до настоящего времени риторическими.

Однако обо всем по порядку. Начало упомянутой реформы относится к весне 1840 г., когда были обнародованы Указ императора Николая I Правительственному Сенату и его же рескрипт на имя министра народного просвещения. Указом от 27 апреля 1840 г. Николай I повелел передать Московскую и Виленскую медико-хирургические академии из ведомства Министерства внутренних дел в подчинение Министерству народного просвещения⁵; рескриптом от 29 апреля — Виленскую медико-хирургическую академию "преобразовать" в медицинский факультет Университета Св. Владимира, а Московскую "поставить... в связь с Московским университетом"⁶.

Анализируя эти указы, М. Ф. Владимировский-Буданов основное внимание уделил решению императора о "преобразовании" Виленской медико-хирургической академии в медицинский факультет Киевского университета и, как уже говорилось, усмотрел в нем в первую очередь политический ход высшего руководства страны. С высказанными им аргументами трудно спорить. Закрытие Виленской медико-хирургической академии и развертывание в Киеве медицинского факультета действительно полностью соответствовали политическому курсу Министерства народного просвещения, направленному на окончательное искоренение последствий колонизации Виленского учебного округа. Начиная с середины 30-х годов XIX века С. С. Уваров методично и беспощадно закрывал одно за другим учебные заведения, созданные в Виленском округе при А. А. Чарторыйском, и в качестве противовеса открывал новые на территориях, непосредственно прилегающих к "мятежному" округу.

Виленская медико-хирургическая академия, безусловно, разделила судьбу других училищ округа, но вернемся к текстам указа и рескрипта Николая I от 27 и 29 апреля 1840 г. И в указе, и в рескрипте речь шла не только о Виленской медико-хирургической академии и медицинском факультете Киевского университета, но и о московских высших медицинских учебных заведениях. Это обстоятельство почему-то не вызвало никакого интереса ни у одного из исследователей истории Киевского университета, а между тем именно оно и служит ключом к расшифровке истинной подоплеку принятых правительством и Николаем I решений.

Указ и рескрипт императора преследовали прежде всего две цели. Первая и главная состояла в упорядочении сложившейся в конце 30-х годов XIX века крайне несовершенной системы управления высшими медицинскими учебными заведениями страны. Напомним, что существовавшие в то время в России 7 медицинских вузов — 3 медико-хирургические академии (Петербургская, Московская, Виленская) и 4 медицинских факультета университетов (в Москве, Казани, Харькове и Дерпте) подчинялись 3 различным министерствам и какие-либо решения, направленные на координацию их деятель-

⁴Коляденко В. Г., Макаренко И. М., Аронов Г. Становление и развитие медицинского факультета Киевского университета // 150 лет Киевского медицинского института. — К., 1991. — С. 32—36.

⁵Указ Правительственному Сенату "О передаче Московской и Виленской Медико-Хирургических Академий в Министерство Народного Просвещения" // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 47.

⁶Рескрипт на имя министра народного просвещения "О принятии в управление Министерства Народного Просвещения Медико-Хирургических Академий Московской и Виленской" // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 47.

ности, могли быть приняты на уровне не ниже кабинета министров⁷. Вторая цель имела в большей степени стратегический характер и предусматривала введение единого образовательного стандарта в сфере подготовки врачебных кадров путем устранения существовавших значительных различий в учебных программах медицинских факультетов университетов и медико-хирургических академий⁸.

Какой из двух систем подготовки врачебных кадров — университетской или академической — отдать предпочтение, правительство на тот момент еще не знало, и лучшим доказательством высказанного утверждения может служить туманность формулировки в отношении судьбы Московской медико-хирургической академии ("поставить... в связь с Московским университетом..."). Единственное, что не вызывало никаких сомнений ни у С. С. Уварова, ни у Николая I, это необходимость скорейшей ликвидации еще одного "детиса" А. А. Чарторыйского и организации нового медицинского факультета в Киеве. Однако еще раз повторим: ясность в отношении судьбы Виленской медико-хирургической академии была следствием политической целесообразности, но не она послужила первопричиной появления императорских указов. В противном случае, во-первых, указы касались бы только Виленской медико-хирургической академии и Киевского университета, а во-вторых, они последовали бы значительно раньше — в середине 30-х годов XIX века, когда С. С. Уваров особенно активно занимался проблемами учебных заведений, находившихся на западных территориях империи.

Готовить новый вариант Устава Университета Св. Владимира, предусматривавший наличие в структуре университета медицинского факультета, С. С. Уваров поручил Совету Киевского университета. Произошло это 6 мая 1840 г., а 21 июня киевские профессора "донесли", что "находят возможным учредить медицинский факультет при Университете Св. Владимира на основании общего устава российских университетов 1835 года". Профессора, правда, высказали ряд предложений, направленных на совершенствование устава 1835 г., однако они имели настолько частный и малосущественный характер, что нам представляется излишним даже кратко пересказывать их содержание.

По свидетельству М. Ф. Владимировского-Буданова, С. С. Уваров остался недоволен проектом Совета, поскольку изначально хотел подготовить для Университета Св. Владимира качественно новый устав. "...Уварову хотелось, — указывал, в частности, М. Ф. Владимировский-Буданов, — испробовать на одном русском университете возможность применения к России порядков немецких университетов"⁹. Не вступая сейчас в полемику с маститым исследователем истории Киевского университета, заметим лишь, что каких-либо документов, подтверждающих изначальною ориентацию С. С. Уварова на немецкие образцы университетского образования в целом и университетского медицинского образования в частности, ни в публикациях М. Ф. Владимировского-Буданова, ни в архивах обнаружить не удалось. Известно, что С. С. Уваров просто переправил проект университетского устава, подготовленный киевскими профессорами, на рецензию своему доверенному лицу — чиновнику по особым поручениям при министре народного просвещения доктору медицины и хирургии И. Т. Спасскому, который подверг жесточайшей критике присланные ему документы.

Конечно, нельзя полностью исключить, что И. Т. Спасский действовал как простой исполнитель воли начальства и изложил на бумаге не свои мысли, а пожелания С. С. Уварова. Однако, с нашей точки зрения, эта версия представляется малоубедительной. Во-первых, И. Т. Спасский готовил свое заключение не для Совета Киевского университета и даже не для официального ответа министра Совету, а лично для С. С. Уварова. Во-вторых, если не обращать внимания на эмоциональную составляющую его заключения, а беспристрастно проанализировать суть высказанных им многочисленных замечаний и предложений, то окажется, что проект И. Т. Спасского также представлял собой не более чем сколок с действовавшего общероссийского университетского устава 1835 г., во всяком случае в отношении медицинского факультета¹⁰.

Получив два по существу одинаковых "мнения", сводившихся к тому, что на Киевский университет следует распространить действующий Общероссийский устав (1835 г.), С. С. Уваров решил взять тайм-аут. Решение абсолютно нелогичное для человека, стремившегося создавать что-то новое, а потому просто обязанного предпринимать определенные шаги в этом направлении, и более чем оправданное, если допустить, что у С. С. Уварова не было никаких апри-

⁷Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 4. — С. 50—51.

⁸Там же. — С. 51.

⁹Владимировский-Буданов М. Ф. — Цит. соч. — С. 301.

¹⁰РГИА. — Ф.

орных соображений в отношении создаваемого в Киеве медицинского факультета. В самом деле, для того чтобы перенести в новый Устав Университета Св. Владимира несколько положений из уже существующего Устава, много времени не требовалось, а вводить новый устав в действие планировалось не ранее лета 1842 г.¹¹, т. е. через полтора года от времени рассматриваемых событий.

С. С. Уваров взял тайм-аут, и это решение оказалось более чем дальновидным. Напомним, что одновременно с тем, как в Киеве и Петербурге обсуждались приведенные выше проблемы, в Москве ничуть не менее активно решалось будущее медицинского факультета Московского университета и Московской медицинской хирургической академии. Сказанное, безусловно, не означает, что С. С. Уваров отложил на время подготовку нового устава Университета Св. Владимира, поскольку ждал новых, оригинальных идей от московской профессуры. Для него все происходившее как в Киеве, так и в Москве было не более чем реформой управления высшими медицинскими учебными заведениями, а от московских профессоров он хотел получить ответ только на один вопрос: сохранить Московскую медико-хирургическую академию "в отдельном ее состоянии" или объединить с медицинским факультетом Московского университета¹². Вряд ли ответ на этот вопрос мог как-то помочь С. С. Уварову в подготовке Устава Университета Св. Владимира, тем более что московские профессора не смогли на него ответить: их мнения разделились, и в конечном счете министру пришлось самому определять судьбу академии.

Однако мы не случайно назвали решение С. С. Уварова о тайм-ауте дальновидным. Не прошло и нескольких месяцев с момента обнародования Указа императора о слиянии Московской медико-хирургической академии с Московским университетом, как попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганов направил министру подробную докладную записку, в которой, помимо обсуждения чисто организационных вопросов, связанных с предстоящим слиянием, высказал ряд блестящих идей в отношении совершенствования системы подготовки врачей на медицинском факультете Московского университета¹³.

Для С. С. Уварова такой поворот в развитии событий оказался абсолютно неожиданным. В своем ответе С. Г. Строганову 30 ноября 1840 г. он честно признался, что был не готов к обсуждению подобного рода проблем, что письмо попечителя застало его в известной мере врасплох и что теперь он будет думать о том, как ему экспертировать высказанные предложения¹⁴. Обнаруженное нами в Российском государственном историческом архиве ответное письмо С. С. Уварова С. Г. Строганову может служить еще одним и, пожалуй, самым весомым доказательством того, что в 1840 г. у С. С. Уварова не было не только сколько-нибудь продуманного плана реформирования университетского медицинского образования, но и вообще какого-либо желания вмешиваться в сложившиеся на медицинских факультетах университетов организацию и содержания учебного процесса.

С. С. Уваров думал недолго. Уже в январе 1841 г. при Министерстве народного просвещения был полностью сформирован и высочайше утвержден особый экспертный совет, получивший название Временного медицинского комитета. Председателем комитета был назначен президент Физико-медицинского общества, доктор медицины и хирургии, лейб-медик М. А. Маркус; в состав комитета вошли лейб-медик Е. И. Раух, профессор Петербургской медико-хирургической академии К. К. Зейдлиц и Н. И. Пирогов, а также уже упоминавшийся нами И. Т. Спасский¹⁵. Как свидетельствует переписка между С. С. Уваровым и М. А. Маркусом, первоначально предполагалось, что комитет будет служить "совещательным органом", "назначенным по Высочайшей воле", для решения отдельных вопросов, "возникающих при предполагаемом преобразовании учебной медицинской части в заведениях, подчиненных Министерству [народного просвещения]"¹⁶. Однако жизнь преподнесла С. С. Уварову очередной сюрприз. Уже на первом заседании комитета М. А. Маркус обратился к своим новоиспеченным коллегам с пространственным меморандумом, суть которого сводилась к тому, что он полагает небезопасным вмешиваться в сложившиеся в рамках действующего устава учебные планы медицинских факультетов, если

предметом пересмотра будут служить лишь "некоторые отдельные вопросы"¹⁷. Такой путь, по его мнению, был чреват "вовлечением" комитета "в случайности частного дела, в односторонние суждения"¹⁸. Во избежание этих возможных негативных последствий М. А. Маркус предложил построить работу таким образом, чтобы прежде рассмотрения и обсуждения частных проблем комитет предварительно выработал "ясное понятие о правильном устройстве медицинского учения вообще и о началах, на которых предполагаемое преобразование учебной медицинской части должно быть основано"¹⁹. "Чтобы действовать с всестороннею предусмотрительностью, — говорилось далее в документе, — Комитету необходимо иметь в виду план медицинского учения, который бы содержал:

I) Начертание существенного объема медицинского учения и всех частей его, расположенных в стройной соразмерности между собой и связанных единством науки в одно как бы органическое целое.

II) Правила преподавания, которые бы вполне соответствовали прямому назначению медицины, в двояком ее проявлении науки и искусства исследовать силы природы и уметь ими владеть для охранения физического благосостояния народа и частных лиц...

III) Правила испытания. а) Для приема студентов... б) Для получения ученых медицинских степеней..."²⁰.

Меморандум М. А. Маркуса получил полную и всестороннюю поддержку сначала со стороны членов Временного медицинского комитета, затем министра и, наконец, императора. 13 марта 1841 г. Николай I подписал указ "О пересмотре постановлений по медицинской части"²¹, означавший окончательное перерастание начатой годом ранее реформы управления высшими медицинскими учебными заведениями в полномасштабную комплексную реформу российско-го высшего медицинского образования.

Первым на призыв М. А. Маркуса заняться разработкой "нового плана университетского медицинского учения" откликнулся Н. И. Пирогов. 9 апреля и 18 мая 1841 г. он направил в адрес Временного медицинского комитета две обстоятельные записки, которые в силу важности поднятых в них проблем и существующей в литературе версии о роли этих записок в подготовке устава Киевского университета заслуживают отдельного рассмотрения.

Первая записка Н. И. Пирогова от 9 апреля 1841 г. формально была посвящена разбору рецензии И. Т. Спасского на проект университетского устава, составленный киевскими профессорами. Однако для Н. И. Пирогова было настолько очевидно, что все замечания и рекомендации И. Т. Спасского имели частный характер и не вносили сколько-нибудь существенных коррективов в действовавший Общероссийский устав 1835 г., что он уже после первого абзаца своей записки "забыл" о рецензии И. Т. Спасского и перешел к анализу самого устава 1835 г. Забегая несколько вперед, отметим, что здесь Н. И. Пирогов выступил как полностью независимый и трезво мыслящий эксперт, прекрасно владеющий предметом проблемы и великолепно осведомленный в деталях, характеризующих положение дел в российском высшем медицинском образовании. Его абсолютно не смутил тот факт, что С. С. Уваров считал Устав 1835 г. своим "любимым детищем" и одновременно главным достижением, а потому обстоятельно и четко продемонстрировал основные слабые стороны этого документа и сложившегося в результате его внедрения учебного плана медицинских факультетов российских университетов²².

Главный и по существу "убийственный" упрек Н. И. Пирогова в адрес разработчиков Устава состоял в том, что сложившийся в результате введения Устава в действие учебный план не соответствовал поставленной перед университетом задаче — готовить и выпускать врачей, способных сразу после окончания медицинского факультета приступить к самостоятельной врачебной практике. Более того, как справедливо отметил Н. И. Пирогов, этот учебный план не позволял готовить не только квалифицированных врачей-практиков, но и достаточно образованных теоретиков-естествоиспытателей. Для первой категории специалистов в нем было слишком много общеобразовательных и естественно-научных дисциплин при недостатке клинической подготовки, для второй — чрезмерный объем преподавания врачебных наук в сочетании с сокращенными курсами ботаники, зоологии, минералогии, химии. "...Устав, утвержденный в 1835 г., требует немаловажных изменений, — указывал, в частности,

¹¹ Летом 1842 г. истек срок действия временного Устава Университета Св. Владимира, принятого в 1833 г.

¹² Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Цит. соч. — С. 52—53.

¹³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 48—55.

¹⁴ Там же. Л. 63об.

¹⁵ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Оленева И. В. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета: Сообщение 2. Организация Временного медицинского комитета // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 6. — С. 48—50.

¹⁶ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 701. — Л. 1—2.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 701. — Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. II. — Ч. I. — СПб., 1876. — Стб. 226—227.

²² Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е. Замыслы разработчиков устава 1835 г. и реалии учебного плана медицинского факультета Московского университета в 1837—1945 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2001. — № 4. — С. 48—50.

Н. И. Пирогов весной 1841 г., — ...из него нельзя узнать, какой взгляд на Медицину служит ему руководством. Если бы основатели этого Устава рассматривали врачебную науку только как одну часть Естествознания, то они бы не сказали в дополнительном пояснении, что "Естественная История должна преподаваться с особенным применением к Врачеб. Науке...". С другой стороны, если Устав 1835 г. руководствовался взглядом на Медицину как на науку чисто практическую и имел бы в виду новые ее прикладные направления, тогда, спрашивается, для чего целые 2 года посвящены изучению наук только приготовительных, для чего только один год определен для разгятия трупов, тоже только один год для практики в клиниках, только полгода для Патологической анатомии, для чего не введена в курс учебы Госпитальная практическая медицина и т. д.²³

Отчасти для иллюстрации приведенного выше вывода, отчасти для демонстрации конкретных просчетов составителей устава, определивших сложившееся положение дел, Н. И. Пирогов остановился на проблеме "несродственного современной науке и медицине" "распределения ... наук по кафедрам". Основное неудовольствие у автора записки вызвал порядок преподавания дисциплин, которые читались профессорами анатомии и физиологии. В частности, Н. И. Пирогов прямо заявил о необходимости незамедлительного выделения курса патологической анатомии из кафедры анатомии нормальной, недопустимости преподавания физиологии и общей патологии одним профессором и порекомендовал организовать две новые самостоятельные кафедры: одну для преподавания нормальной физиологии, другую для патологической анатомии и патологической физиологии.²⁴

Вторая записка Н. И. Пирогова от 18 мая 1841 г., хотя и началась словами о том, что "учреждение нового медицинского факультета в России представляет собой удобный случай обратить внимание правительства на недостатки и несообразности нашего медицинского учения, требующего явственно новой реформы, которая соответствовала бы более потребностям времени и настоящему состоянию врачебной науки"²⁵, имела значительно более конструктивный характер. В ней Н. И. Пирогов вынес на обсуждение Временного медицинского комитета вопрос о необходимости смены целевых установок деятельности медицинских факультетов российских университетов. "Какую цель, — спрашивал Н. И. Пирогов, — имеет учебное заведение при образовании своих воспитанников; хочет ли оно только образовывать известное число людей практических, более годных для исполнения, людей во всяком случае необходимых для общества, но которым нет никакой необходимости выходить за границы посредственности, или имеет ли учебное заведение целью образовывать незначительное число индивидуумов, но таких, которые бы были в состоянии некогда подвигать саму науку вперед или по крайней мере идти по следам ее с размышлением и отчетливостью?"²⁶ Как несложно догадаться уже по самой постановке вопроса, Н. И. Пирогову больше импонировал второй путь: превратить медицинские факультеты университетов в элитарные высшие медицинские учебные заведения, готовившие бы малое число блестяще образованных во всех отношениях медиков, способных "подвигать" отечественную науку вперед. Для достижения этой цели Н. И. Пирогов полагал необходимым, во-первых, сократить прием студентов на медицинские факультеты и значительно ужесточить процедуру отбора абитуриентов. Во-вторых, ликвидировать институт казенно-коштных студентов или в крайнем случае принимать на государственное обеспечение только самых талантливых и максимально подготовленных к обучению в университете молодых людей из числа тех, кто будет не в состоянии сам оплатить учебу. В-третьих, упразднить все промежуточные этапные экзамены как "развивающие между учащимися и учащими экзаменаторное направление — самое вредное и самое убийственное для юного ума"²⁷. И, наконец, в-четвертых, внедрить на медицинских факультетах университетов качественно новый учебный план, развернутый проект которого составил большую часть его записки от 18 мая 1841 г.

Если, подобно авторам исторического очерка в книге "150 лет Киевскому медицинскому институту", рассматривать записку Н. И. Пирогова от 18 мая 1841 г. изолированно от других материалов реформы, то следует признать, что составленный Н. И. Пироговым проект учебного плана представлял собой новое слово в истории российского университетского медицинского образования. Так, Н. И. Пирогов предлагал установить 6-летний курс обучения на медицинском факультете, увеличить до 3 лет время, отводимое на занятия со студентами в клиниках у постелей больных, организовать самостоятельные кафедры патологической анатомии и патологической физиологии, радикально изменить распределение учебных курсов по годам обучения, а главное, внедрить в учебный процесс этапность клинического преподавания. В записке Н. И. Пирогова

от 18 мая прямо говорилось о целесообразности создания нескольких типов клиник (собственно университетских и клиник на базе городских больниц), раскрывались цели и задачи этих учебных подразделений, объяснялись обязанности клинических преподавателей, обеспечивавших подготовку студентов на разных этапах клинического обучения.²⁸

По мнению упомянутых выше исследователей истории медицинского факультета Киевского университета, в первую очередь именно эти записки Н. И. Пирогова²⁹, а точнее сказать, высказанные в них абсолютно оригинальные идеи и послужили в дальнейшем основой "нового плана университетского медицинского учения", нашедшего отражение в Уставе Университета Св. Владимира 1842 г. "Записки Н. И. Пирогова, — говорится, в частности, в историческом очерке сборника "150 лет Киевского медицинского института", — явились основой "Главного очерка плана университетского медицинского учения", предусматривавшего, чтобы медицинский факультет Киевского университета уже "при первом своем устройстве" мог служить образцом для других университетов страны"³⁰.

Однако с подобной точкой зрения трудно согласиться. Если сопоставить записки Н. И. Пирогова с другими документами реформы высшего медицинского образования начала 40-х годов XIX века, то приходится констатировать, что киевские историки несколько преувеличили заслуги Н. И. Пирогова как в смысле оригинальности высказанных им идей, так и в плане влияния его записок на ход работы по подготовке Устава Университета Св. Владимира 1842 г.

Начнем с вопроса об оригинальности и новизне пироговских идей, главными из которых, безусловно, являлись идеи установления 6-летнего срока обучения на медицинском факультете и введения нового учебного плана, предусматривавшего этапность клинической подготовки. Как уже отмечалось, эти идеи были высказаны Н. И. Пироговым в записке от 18 мая, но считать их принадлежащими только Н. И. Пирогову не позволяет письмо С. Г. Строганова С. С. Уварову от 6 мая 1841 г.³¹ В этом письме, содержавшем обещанный С. Г. Строгановым еще в ноябре 1840 г. развернутый проект преобразований в области университетского медицинского образования, прямо высказывались предложения и о введении 6-летнего курса подготовки на медицинском факультете, и об организации этапности клинического преподавания, и об установлении 3-летней продолжительности занятий в клиниках у постелей больных.³²

Как свидетельствуют пометки на полях, сделанные кем-то из делопроизводителей Министерства народного просвещения, послание попечителя Московского учебного округа было получено в Петербурге 12 мая и в тот же день по распоряжению С. С. Уварова передано для ознакомления всем членам Временного медицинского комитета. Н. И. Пирогов, как никто другой, был в состоянии оценить и глубину, и важность замысла московских профессоров и спустя 6 дней повторил его в своей записке. Какие цели преследовал при этом Н. И. Пирогов, неизвестно. Конечно, нельзя исключить, что таким образом он хотел просто поддержать инициативу своих московских коллег, однако 27 мая 1841 г. Временный медицинский комитет большинством голосов признал рассматриваемые идеи "неудобоисполнимыми"³³. Негативное заключение комитета в отношении введения этапности клинического преподавания и увеличения общей продолжительности обучения на медицинском факультете означало полное неприятие пироговского варианта нового учебного плана, из которого в Устав 1842 г. в конечном счете войдет только одно принципиальное нововведение — создание самостоятельной кафедры патологической анатомии и патологической физиологии. Похожая участь постигла и ряд других инициатив Н. И. Пирогова, что в целом не позволяет говорить о том, что именно его записки от 9 апреля и 18 мая легли в основу сначала "Главного очерка плана университетского медицинского учения", а затем и Устава Университета Св. Владимира 1842 г. Эту почетную роль было суждено сыграть совсем другому и почему-то до сих пор никем не обнаруженному документу, хранящемуся в том же Российском государственном историческом архиве, — "особому мнению" друга и коллеги Н. И. Пирогова по Временному медицинскому комитету профессора К. К. Зейдлица.

Поступила 31.01.02

²⁸ Там же. — Л. 18—20об.

²⁹ Киевские историки упоминают также о третьей записке Н. И. Пирогова от 24 ноября 1841 г., однако она была посвящена главным образом проблеме воссоздания Профессорского института и организации подготовки педагогических кадров.

³⁰ 150 лет Киевского медицинского института. — К., 1991. — С. 36.

³¹ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 33. — Л. 68—90.

³² Сточик А. М., Загравкин С. Н., Сточик А. А. Возникновение идеи этапности клинического преподавания. События 1840—1841 гг. // Клиническая медицина. — 2000. — № 11. — С. 76—80.

³³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 114об

²³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 705. — Л. 12об.

²⁴ Там же. — Л. 12об—14.

²⁵ Там же. — Л. 15.

²⁶ Там же. — Л. 16.

²⁷ Там же. — Л. 16об.